

Игорь, вы часто появлялись на экране белозубым, обаятельным, улыбающимся. Не обидно, что кино вас "тиражирует"?

— Я не поклонник понятия "амплуа". Те, кто видел меня в театре, знают, что я играю роли очень разные. В кино тоже сам волен сказать "да" или "нет". Но если меня и пытались использовать в привычном качестве "улыбчивого и обаятельного", ничего плохого в том нет. На Западе звезды, о которых много говорят, как правило, всю жизнь играют одну и ту же роль. И никого это не пугает.

Конечно, это не значит, что я предпочитаю идти на поводу у зрителей. Помню, как после фильма "Мы из джаза" получал письма с просьбами: снимайтесь в таких же картинах, играйте такие же роли, вы наш Ален Делон или кто-то там еще... Но я — не Ален Делон, я — Игорь Скляр, пусть маленький, неказистый, но первый. А это все-таки лучше, чем быть хоть и большим красавцем, но копией. Если нужен такой Игорь Скляр этому времени, этой стране, этим людям, что ж тут дурного? Наоборот, в подобном качестве меня очень мало и плохо использовали. Пока я был молод, такого героя можно было тиражировать гораздо смелее и плодотворнее. А сейчас время ушло, тогда мне было двадцать пять, теперь — тридцать семь. Уже другое ощущение мира, и я не могу больше так беззаботно улыбаться или, предположим, зоглашаться на сценарии, где герой намного глупее меня — мне это неинтересно.

— Потому что постарались изуродовать прежний имидж в фильме "Год Собаки"? Ваш герой, хоть он уголовник и убийца, — личность неоднозначная и по-своему прелекательная. Где-то подглядели этот характер?

— Характер в основном свой собственный: то, что бегает не "с себя", как правило, никому не интересно. Мой герой — хороший человек. Вопреки тяжелой судьбе и невероятному навороту обстоятельств, он сохранил нормальные человеческие уюта, теплоту и ту самую отаенную часть души, которая способна любить.

Когда прикасаешься к новой роли, опираться на прошлый опыт невозможно: это эвасем другие обстоятельства, люди, жизнь, другой я. Опорой становятся опыт собственной жизни и те, с кем вместе работаешь. В картине "Год Собаки" мне очень сильно повезло с партнершей Инной Чуриковой. Она не только талантлива до гениальности, но и человек прекрасный. С ней легко. И не потому, что она такая пролая, мягкая, добрая: она быстрая и жестокая, и сердитая. О это не мешает делу, а помогает. Мы не просто были партнерами, а творили эту картину. Конечно, был сценарий, но он давал как бы шее очертание сцен, полоний, характеров. А по-настоящему все выстраивалось в процессе работы. Съемки в Старой Ладоге, жили в Волкове. И после съезки каждую ночь собирались, репсывали сцены, придумывали новые, убирали лишнее. Это был почти театральный творческий процесс, что е казалось замечательным. кино такое редко бывает.

"Год Собаки" подарил мне такое ощущение, что я в но нашел, может быть, "юого" режиссера, человеку которому интересно со ой и с которым интересно е. Работая с Семеном Араичем, все время ощущал це душевное, эмоциональ: родство, то взаимоприятие, без которого в истве никогда ничего хорого не выходит. С февраля у должна начаться другая тина. Это история из во-

енного времени — о задумке наших чекистов "сделать" героиню, которую фашисты зверски убивают. Я там должен быть инструктором НКВД, который вначале эту девочку инструктирует, потом влюбляется и всеми силами старается ее спасти. В общем, пытается быть благородным и сам кончает плохо. Но, может, в процессе работы все это еще переменится, перетасуется, и, что получится в конце концов, неизвестно.

рится, в семье не без уroda. Отчасти тут случай виноват. Когда я первый раз приехал на зимние каникулы в Москву, меня "поймали" в метро и предложили познакомиться в кино. И лет в тринадцать-четырнадцать я снялся у Владимира Рогового в картине "Юнга Северного флота". Мне это понравилось очень, ну и пошло.

— Любите к пеню в жизни пригодилась: среди исполнителей "нетленки" "На недельку до второго..." вы оказались самым популярным.

кий случай смокинг. Вдруг еще пригодится?

На каких-то тусовках надо присутствовать — там происходят необходимые встречи, разговоры. Да и просто можн старых друзей повидать, с которыми годами только по телефону разговариваешь. Но чаще всего даже просто отдохнуть не удается из-за нехватки времени. Летом, правда, снимаем дачу в Павловске, там парк, грибы иногда. Но чаще всего жена с сыном там вдвоем, я только наезжаю. Я в семье — основной

поклонник сейчас гораздо меньше. Иссяк поток писем от зрителей, которым от тринадцати до двадцати или за шестьдесят: тогда наступает такой период в жизни женщины, когда нужно дарить кому-то тепло. Но я очень давно не появлялся на экранах в нужном для них качестве. И меня это радует. Славы сначала хочется, потом она раздражает, а потом к ней относишься нормально. Есть — хорошо, нет — и так проживу.

— Отец вы строгий?

Богу, а то был бы сумасшедший дом.

— Говорят, петербуржца всегда вычисляешь по повадке. Вы — уже давно петербуржец. Чем для вас стал этот город?

— Для меня это — город, в котором живу. Знаю, что многие к нему относятся, как к музею, в котором существовать невозможно. По-моему, это не так. Здесь есть своя атмосфера, своеобразный уют. Я тут недавно вернулся из Дании, ехал на машине. Было грязно, моросил дождь — и шофер вдруг говорит: "Вот наша питерская погода!" Я ему: "Это не питерская — это российская нормальная грязь. То же самое можно наблюдать и в Челябинске, и в Екатеринбурге, и в Москве..." Просто Петербург хорош тем, что здесь все соразмерно. Говорят, он — город сатанинский, потому что выстроен волевым усилием и за это положено не знаю уж сколько тысяч жизней. Но все равно в нем существует гармония, которая каким-то образом и человека гармонизирует.

Так что предпочитаю жить в этом городе. И именно в то время, в какое родился, существовать, вижу солнце, небо. Хотя всякое время, наверно, интересно. Я люблю исторические книги и очень многое читаю об истории Российского государства, об эпохах Наполеона, Ришелье. И иногда думаю, что хорошо бы, например, пожить во времена мушкетеров. Может, потому, что люблю лошадей и честные единоборства — один на один. Но времена не выбирают. Знаете, есть замечательные слова: пока мы ругаем нашу жизнь, она проходит.

— Какой вы на экране, мы знаем. А в жизни какой?

— Не знаю, хотя каждый актер, конечно, видит себя со стороны. В жизни я не особенно стараюсь соответствовать тому имиджу, в котором меня привыкли видеть на экране или когда-то на эстраде. Чаще всего бываю замкнутым, хотя людей это удивляет. Обычно говорят: а почему вы в кино так же веселый, доступный, обаятельный, а в жизни все наоборот? Но я такой, какой есть, и другим быть не могу. Я против неискренности чувств в чем бы то ни было.

И еще: я больше всего в жизни не люблю равнодушия. И в себе пытаюсь его истреблять. Но в последнее время возникает ощущение, что я уже практически все знаю, через все прошел, все видел. И ничего иногда не хочется — ни идти куда-то, ни делать что-то. Эту леньность души, которая приводит и к лениности тела, преодолеть в себе — большая проблема. Пока удается пересиливать себя, иначе, наверно, не знаю, что бы делал. Может, и правда, тридцать семь лет — возраст роковой. Есть ощущение, что ты то ли не доделал, то ли не додумал чего-то, то ли вообще не так живешь. Иногда возникают такие мысли, как в детстве, когда жутко боялся смерти и не понимал, как подобное может произойти. Теперь-то понимаешь, но смириться с этим невозможно. Помню, мне было двадцать семь, когда я вдруг почувствовал быстро бегущее время, которое нельзя вернуть, когда стал больше дорожить днями, часами, людьми.

А сейчас иногда думаешь: какой смысл жить еще тридцать или сколько там тебе отпущено лет, если конец все равно предрешен? Но тут же рядом с этими гнетущими мыслями возникают и другие. Есть любимая жена, есть сын, которого надо воспитать. И я как мужчина за них ответствен. Сознание этого и заставляет меня жить, работать. И творить иногда.

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА. Санкт-Петербург — Москва. Фото ИТАР-ТАСС.

Он не падок на рекламу. Хотя у публики в любимцах со времен комедии "Мы из джаза" и шлягера "На недельку до второго..." Сейчас у него совсем другие роли и другие заботы. Но от собственного прошлого актер не отрецивается, ни о чем не жалеет, так как Игорь СКЛЯР — Куранты, 1994, — 30 Дек. — с. 9.

МУЖЧИНА В РОКОВОМ ВОЗРАСТЕ

— Уже много лет вы работаете в Малом драматическом театре Санкт-Петербурга с Львом Додинным. Он — тоже "ваш" режиссер?

— Конечно, иначе я был бы в каком-то ином театре. В Малом драматическом я начал работать в восемьдесят первом году, потом была армия. Когда вернулся, как раз решался вопрос, будет ли Додин "брат" этот театр: ему тогда еще предлагали что-то в Москве. Конечно, с ним трудно. Но любая работа, если она настоящая, трудна. И радостна тоже, потому что интересна. В том, как Додин репетирует, ничего нового как бы нет, это просто хорошо забытое старое, этим занимались и Сулержицкий, и Станиславский, и Немирович-Данченко. Для меня это попытка продолжить традиции настоящего русского театра, на который пока еще весь мир смотрит, открыв рот.

— Ваша любимая роль в театре наверняка самая последняя?

— Любимая — та, которую сам придумал. Это Юра в "Братьях и сестрах". Деревенский юродивый, вечный человеческий характер, который понятен везде — и у нас, и во Франции, и в Америке. Везде есть свой дурак — в любой деревне и в любой стране. Эта роль не была написана Федором Абрамовым. Но когда он первый раз увидел наш спектакль еще как дипломную работу в институте, спросил: "А где тот, который Юра?" "Это я", — говорю. И слышу от Федора Александровича: "Как же я не догадался написать-то его в романе?" А последняя работа в театре — в спектакле "Бесы". Я там репетировал по очереди три или даже четыре роли, но в конце концов играю Федьку-каторжного. Того, о ком по выходе романа Достоевского писали, что он там — единственный представитель русского народа. Да и тот — каторжник и убийца...

— Как начинался актер Игорь Скляр?

— По рождению я — курянин, в детстве актером быть не мечтал. Зато пел — в яслях, детском саду, школе: сначала в хоре, потом у нас был вокально-инструментальный ансамбль. Рано узнал, что такое публика, успех. Папа и мама у меня — инженеры, сейчас оба на пенсии и оба — инвалиды. В общем, нормальные люди в отличие от меня. Как гово-

Не тянет продолжить эстрадную карьеру?

— Тогда была молодость, была возможность испытать себя в этом жанре. То, что я видел на эстраде, мне не очень нравилось — казалось, что это чуть-чуть по-другому надо делать. Свои соображения по этому поводу и попытка воплотить. Мы тогда дружили с Игорем Николаевым, который сочинил эту песню. А я ее записал — не первый, кстати. Это послужило службой и хорошую, и очень дурную. Меня узнали сразу все, хоть и не запомнили ни имени, ни фамилии, стали показывать пальцем: "Вон пошел на недельку до второго..." А люди, которые искусством занимаются всерьез, стали относиться ко мне довольно предубежденно. Но я, честно говоря, ни о чем, что было сделано в жизни, не жалею. Правда, уже очень давно не записываю никаких песен: я с этим даже "для денег" завязал. Не хочу казаться людям дурнее, чем есть на самом деле. Зачем? Ради того, чтобы лишний раз засветиться по телевизору? Мне это не нужно, поверьте, — самолюбие уже утешено.

— Потому и на тусовках не мелькаете? Предпочитаете жить замкнуто?

— Предпочитаю нормальную семейную жизнь. У меня растет сын, мне, слава Богу, есть чем заняться. За последнее время выбрался только на Сочинский кинофестиваль. И мне там было очень неловко. Потому что думал: Сочи, лето, все будет очень демократично одеты. К тому же собирался пробыть всего три дня — до представления картины "Год Собаки". Но меня уговорили остаться: мол, погоди, здесь для тебя кое-что может быть. "Кое-что" оказалось призом за лучшую мужскую роль. На церемонии награждения я вышел на сцену в клетчатой рубашке и глупом желтом пиджаке, поскольку ничего парадного с собой не захватил. И нелепо выглядел на фоне всех своих приятелей, актеров и актрис в смокингах с бабочками и вечерних туалетах. Сейчас вот еду с театром на гастроли в Милан и обязательно осуществлю свою мечту — куплю на вся-

добытчик, надо и деньги зарабатывать, и продукты покупать: раз я за рулем, должен по магазинам ездить. Надо и жене дать иногда отдохнуть от ребенка. В общем, существую, как большинство представителей не очень обеспеченного класса. Зарплата у меня — ниже средней по России, но много работаю и собственным трудом достигаю возможности кормить семью. У меня есть маленькая машина "Ока", двухкомнатная квартира, сейчас обещаю кусочек земли в пригороде Павловска на коммерческих условиях. Во и все.

— Ваша жена, Наталья Акимова, — тоже артистка Малого драматического театра. Как удается сосуществовать в быту и творчестве?

— Это очень тяжело. Во-первых, мы — два Петуха. А два Петуха в одном курятнике, может быть, даже хуже, чем два медведя в одной берлоге. Живем с трудностями, со спорами, но интересно. Пока так получается, что вместе заняты в одном спектакле — "Братья и сестры". Поэтому чаще бывает возможность кому-то оставаться с трехлетним Васей. А так у нас есть очень хорошая соседка, которая соглашается с ним заниматься. Как-то устроиваемся.

— И кто в семье "голова"?

— Я считаю, что жена. И это правильно. Потому что для женщины дом, ребенок — все-таки основной жизненный стимул. И нормально, что она — главная, а я ей — помощник, который должен кормить, заботиться, защищать.

— Обилие ваших поклонниц жену не раздражает?

— Ревнует, хотя и понимает, что это — издержки профессии. Но сам чувствую, что

Довольно-таки. Хотя часто вспоминаю, как сам был мальчиком. Мне многое запрещали, меня ругали — я был трудным подростком, а вовсе не ангелом. И в то время, помню, думал: когда сам буду взрослым, никогда своему ребенку ничего запрещать не буду. Иногда мне Васю просто жалко. Он еще маленький, опыта нет. Наталья на меня ругается, когда позволяю сыну делать то, что как бы нельзя. А я говорю: пусть сам один раз залезет, куда не надо, ударится, зато научится. Вот Вася недавно газовый баллончик нажал. Жена — в ужасе, а я: ничего, в следующий раз будет знать, что какие-то вещи трогать нельзя. И действительно, после опыта с баллончиком Вася мне сказал: "Пап, знаешь, я понял — это яд, это хуже, чем отравленное яблоко, которое съела Белоснежка". Пусть ребенок узнает жизнь на собственных сныках и шишках.

К тому же Вася — очень наблюдательный, сообразительный, думающий и чувствующий человек. Хотя, может, о своих детях все так говорят. Иногда, когда у нас с женой конфликт, именно сын заставляет нас помириться.

— В Наташу вы по-прежнему влюблены?

— Влюблен. Но по-другому. На первых порах любовь была страстная и мы очень горячи были в этом чувстве. Сейчас, может, уже не так горячи, зато между нами гораздо больше связи, мы практически все знаем друг о друге. Мы уже шестнадцать лет живем вместе, и, конечно, наша любовь не похожа на чувство Ромео и Джульетты, хотя и такое было. Но это не может длиться всю жизнь — и слава